

Глава 5. Деревенские пустыки. Расторжение помолвки

—
Одного взгляда на лица этих людей Линь Юэ хватило, чтобы понять: его догадка верна на все сто. В этот миг он не чувствовал ни стыда, ни неловкости — лишь досаду на собственное невезение и острую неприязнь к этой семейке. Презрение в его глазах было невозможно скрыть.

Даже если помолвка будет расторгнута, и вся эта неразбериха испортит его репутацию, но репутация семьи Шан пострадает еще сильнее. Если в округе найдутся приличные семьи с невестами или герами, они будут бежать от семьи Шан как от чумы.

Хун Сюфан, видя ярость в глазах Линь Юэ, завопила:

— Ты, паршивец, что несешь?! Бесстыжий! Где это видано, чтобы неженатый гер так орал? Неудивительно, что засиделся, никто тебя не берет!

Линь Юэ упер руки в бока и вздернул подбородок:

— Да-да, конечно! Это ведь ваш «красавец» — сухарь сухарем, сутулый, как кривая береза — нарасхват! Разве не поэтому вы так спешите его женить, а потом приходите помолвку расторгать?

Увидев, как Хун Сюфан побагровела от злости, Линь Юэ прикинул — маловато будет. Почему она еще в обморок от ярости не упала?

Он перевел взгляд на Шан Вэньчэна, оглядел его с ног до головы и ледяным тоном бросил:

— Раз пришел расторгать помолвку, что ж ты не выйдешь вперед? Чего за спину прячешься, никчемный бесхребетный трус?

Отчитав того, он оставил его без внимания и продолжил:

— И ты, старый! Каков отец, таков и сын — глаза вороватые, за версту подлость видать. Зря только годы прожил, ни капли уважения к старости не вызываешь.

Линь Юэ говорил очень быстро, но четко и громко. Не прошло и пары минут, как он успел приложить каждого члена их семьи.

Чжоу Вэньлань, которая только что сама собиралась в бой, теперь лишь стояла за спиной сына. Она боялась, как бы Линь Юэ не сорвался и не кинулся в драку — Шан Дафу был мужиком крепким, в рукопашной Линь Юэ было бы несдобровать.

И верно, Шан Дафу уже засучивал рукава, изрыгая ругательства:

— Тьфу, бесстыдник, совсем «лица» нет! Мой сын — великий талант, он на богатом гере из города женится! Я тебе сейчас преподам урок, чтоб знал, как со старшими разговаривать!

Но Линь Юэ не испугался. Его отец, сильный мужчина, стоял рядом, а Линь Ян уже давно юркнул за ворота — ясно, что за подмогой.

К тому же, пока они препирались, у калитки и за забором уже собрались любопытные. То тут, то там над оградой мелькали головы соседей. Деревня одна — если пришлый посмеет поднять

руку, дядьки и тетки в обиду не дадут.

Линь Юэ закричал еще громче, наступая:

— Это у тебя-то «лицо» есть? Верно говорят — яблоко от яблони... Вся семейка толстокожая! «Богатый гер», надо же! Да какая приличная семья на твоего заморыша посмотрит? Небось один раз мимо прошли, а он уже вообразил, что в него влюбились!

— А ну, попробуй, тронь меня! Только замахнись — я в уездную управу пойду жаловаться. Твой недоучка еще даже сюцаем не стал. Если ты в тюрьму сядешь, допустят его до экзаменов? А ну, давай, рискни!

Шан Дафу задрожал от ярости, кулаки его сжались до белизны, но стоило ему сделать шаг, как Шан Вэньчэн вцепился в него:

— Отец, отец, не надо! Нельзя дело до беды доводить!

Видя, что дело пахнет дракой, соседи повалили во двор. Линь Ян ворвался во главе группы из семи-восьми крепких мужчин, за которыми семенили женщины.

— Брат, не бойся! Я не дам им тебя обидеть!

Линь Юэ кивнул брату и перевел взгляд на пришедших:

— Дедушка, дяди, тетушки... Простите, что доставил вам хлопот сегодня.

Старейшина рода Линь, старик с седыми волосами, но бодрым взглядом, ответил:

— Что ты такое говоришь, Юэ-гер? Не бойся, мы все здесь. В обиду тебя не дадим.

Старшая тетя и другие женщины встали рядом с Чжоу Вэньлань. Тетя сжала её руку и улыбнулась Линь Юэ:

— Наш Юэ-гер такой замечательный, хотела бы я посмотреть на того слепца, что этого не видит.

Линь Юэ, в котором до этого кипел лишь гнев, вдруг почувствовал подступившую к горлу горечь. Он прижался к плечу матери, улыбнулся женщинам и несколько раз быстро моргнул, прогоняя слезы. А затем снова повернулся к членам семьи Шан.

Шан Дафу, завидев толпу, мигом сник и попятился. Желание драться у него как рукой сняло.

Хун Сюфан тоже испугалась, но продолжала хорохориться:

— Вы что, руки распускать вздумали?! Мой сын — туншэн! Его сам уездный магистрат знает! Только попробуйте тронуть его, деревенщины!

Линь Юэ не удержался и закатил глаза — когда они сами лезли в драку, про магистрата не вспоминали. Впрочем, раздувать скандал дальше он не хотел. Ругань — дело обычное, поговорят и забудут. Но если дойдет до рукоприкладства и суда, это может испортить жизнь не только ему, но и его братьям и сестрам.

Приняв решение, Линь Юэ обменялся взглядом с родителями, надеясь, что они поймут его без слов. Он поклонился пришедшим на помощь старшим и сделал шаг вперед:

— Раз уж ваша семья сегодня пришла, на этом всё и кончится. Я не желаю больше иметь с вами ничего общего. Но знайте: это ваша семья, пожелав выгоды, нарушила слово. К семье Линь и ко мне лично это не имеет отношения. Если вы согласны — поклянитесь, что, выйдя за эти ворота, не скажете ни единого дурного слова о нашей чести. А если хоть одно злое слово сорвется с ваших губ — пусть из рода Шан больше никогда не выйдет ни одного ученого, пусть предки ваши не знают покоя, а потомки живут в вечном горе.

При этих словах семейство Шан побледнело. В деревнях свято верили в клятвы и возмездие предков; такими словами не бросались, боясь кары небесной. Но семья Линь смотрела на них так сурово, что выбора не оставалось.

Старейшина Линь одобрительно кивнул Линь Юэ и поторопил семью Шан:

— Я, старик, буду свидетелем. Как только поклянетесь, я сам пойду к вашим старейшинам и всё объясню. Если пойдут слухи — спрошу с вашего рода. А если не согласны... что ж, у нас в роду Линь мужчин много, придется им нанести ответный визит в ваш дом.

Что это будет за «визит», объяснять не требовалось.

Шан Вэньчэн испугался. Он-то думал, что расторжение помолвки ему ничем не грозит — ну, назовут «ветреным юношей», делов-то. Он считал, что Линь Юэ будет дрожать за свою репутацию и умолять не поднимать шума, а тогда он, Шан, милостиво предложит ему стать наложником, чтобы наслаждаться «счастьем среди двух жен».

Он не ожидал, что семья Линь окажется такой твердой. В этом году для экзамена на сюэя ему нужны были поручительства шести односельчан и двух сюэаев. Если дело дойдет до старейшин и управы, никто не рискнет за него поручиться.

«Пусть сегодня семья Линь торжествует, — подумал он про себя. — Вот женюсь на гере из дома городского богача, получу чин, тогда и посчитаюсь».

Шан Вэньчэн сложил руки в приветствии:

— Пусть будет так. Односельчане, будьте свидетелями. Я, Шан Вэньчэн, клянусь не порочить имя семьи Линь. Если нарушу клятву — пусть не видать мне чинов, а предкам моим не будет покоя.

Линь Юэ, услышав клятву, немного смягчился. Он заставил поклясться и его родителей, после чего выставил их вон. Поблагодарив соседей, он проводил старших до ворот.

Однако члены семьи Шан не спешили уходить. Дождавшись, когда двор опустел, Шан Вэньчэн вернулся к калитке и высокомерно бросил:

— С таким-то характером тебя никто замуж не возьмет. Смотри, как бы потом сам не приполз проситься ко мне в наложники!

Линь Юэ оторопел от такой наглости. А тот еще и добавил:

— Клятву-то я дал, но я еще не ушел! Она подействует, только когда я за ворота выйду!

Линь Юэ, окончательно потеряв терпение, подхватил таз с водой и выплеснул на него:

— Тьфу! Желающих на мне жениться — пруд пруди, не твоя забота, заморыш! А ну проваливай,

не то снова позову людей!

Шан Вэньчэн не успел увернуться и промок до нитки. Не смея больше угрожать, он позорно сбежал.

Старшие из рода Линь уже ушли, но за воротами всё еще стояли кучки любопытных:

— Да уж, ну и история. Теперь репутации Юэ-гера конец, вряд ли он найдет хорошую партию.

— А я-то думала, он такой тихий да скромный. Оказалось — вспыльчивый, кто такого в дом возьмет?

— Да что ты говоришь, сестрица! К ним в дом пришли, обидели, если бы он и слова сказать не посмел, вот тогда бы точно был никчемным. Лучше уж быть с характером, зато в обиду себя не даст.

— И я так думаю. Глядишь, найдется семья, где как раз такой и нужен — чтоб хозяйство в руках держал.

— Ну, это уж как судьба распорядится... Беда, просто беда.

Семья Линь стояла во дворе. Чжоу Вэньлань слышала пересуды. Она злилась, но сделать ничего не могла — на семью Шан можно было кричать, а на своих сельчан... Закричишь — скажут, что склочная. Оставалось только кипеть от негодования про себя.

Линь Юэ относился к этому проще: после такого скандала разговоров не избежать. Пусть болтают, через пару дней остынут.

Пролетело всё утро, полдень уже миновал, а они еще и не обедали. У Линь Юэ в животе заурчало. Он глубоко вздохнул, успокаиваясь, и потянул родителей в дом.

— Папа, мама присядьте. Я пойду приготовлю поесть. Утренние сладости еще остались, поешьте пока. Слава Богу, той семейке они не достались, а то бы я умер от злости.

Чжоу Вэньлань похлопала его по руке:

— Тьфу-тьфу, что ты такое говоришь, не к добру это. Ешьте сами с отцом и братом, а я приготовлю.

Линь Юэ мягко, но настойчиво удержал её:

— Мама, отдыхай. Я сам всё сделаю, Линь Ян мне поможет. И не сердись больше. Подумаешь, свадьба не задалась — невелика потеря.

Линь Юань, который всё утро молчал, теперь стоял с покрасневшими глазами. Он сжал руку сына и прошептал:

— Не бойся, Юэ-гер, не бойся. Отец тебя прокормит. Не выйдешь замуж — и не надо, только не кори себя.

Линь Юэ закивал:

— Отец, я всё понимаю. И ты не расстраивайся, здоровье дороже. Пойду я готовить.

С этими словами он широким шагом направился на кухню. Если бы он остался в зале еще хоть на миг, то точно бы расплакался. А этого нельзя — это признак слабости, а он слез не любил.

Линь Ян, сидевший на корточках у порога, вскочил и последовал за братом, не переставая тараторить:

— Брат, не грусти. Через пару дней я подстерегу его, надену мешок на голову и всыплю как следует, чтоб знал! И хорошо, что не выходишь, я тебя никому отдавать не хочу.

— Брат, если ты еще злишься, ударь меня пару раз, чтоб полегчало. Куда хочешь? По руке? По спине? Бей куда хочешь!

Линь Юэ не знал, смеяться ему или плакать. Он легонько щелкнул брата по лбу:

— Иди разожги огонь. Ты слишком много болтаешь. Не злюсь я. То, что он на мне не женился — это его неудача, а не моя. Чего мне злиться?

Линь Ян не был уверен, не притворяется ли брат, но поддакнул:

— Верно, верно! Мой брат — самый лучший, это ему не повезло. Как матушка говорит: «Счастье в дом без удачи не входит», а они — люди несчастные.

Линь Юэ покачал головой:

— Ладно, хватит меня утешать. Мне правда уже не грустно. Иди давай, есть не хочешь, что ли?

— Сейчас же бегу! Я лучше всех умею разводить огонь! Давай устроим большой пир, чтобы прогнать невезение!

—

<http://bllate.org/book/17206/1610780>